
ИДЕИ И ПРАКТИКА: ИНСТИТУТЫ И ДЕМОКРАТИЯ

О.Г. ХАРИТОНОВА

ПРЕЗИДЕНТСТВО И ДЕМОКРАТИЯ: СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ*

После критики президентских систем Хуаном Линцем в 1990 г. в фокусе сравнительных исследований в рамках нового институционализма оказалась связь между институциональным дизайном и устойчивостью демократии. В качестве независимой переменной рассматривались президентство или парламентаризм, в качестве зависимой – продолжительность существования демократии или ее распад. Количественные исследования выживания демократических режимов С. Мэйнуоринга, М. Шугарта, А. Степана, С. Скач, Х. Чейбуба, Ф. Лимонжи подтверждали гипотезу Х. Линца и демонстрировали, что парламентские системы устойчивее президентских и менее подвержены распадам.

По исследованиям С. Мэйнуоринга, консолидированная демократия просуществовала без перерыва лишь в 25 странах, в 18 из которых действовала парламентская система [Mainwaring, 1993]. Анализируя выживание демократий (с населением не менее 200 000 человек), М. Шугарт и Дж. Кэри показали, что в XX в. распалось больше парламентских демократий (12 президентских,

* Статья написана в рамках проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Т363) «Государственная состоятельность как предпосылка демократии? (Эмпирический анализ взаимосвязи типов государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций в странах “третьей волны демократизации”»).

шесть полупрезидентских и 21 парламентская), однако доля среди президентских режимов была выше, чем среди парламентских: распалось 50% всех президентских демократий и только 43,8% парламентских [Shugart, Carey, 1992]. В выборке стран А. Степана и С. Скач из 93 стран, получивших независимость после 1945 г., ни один из президентских демократических режимов не продержался после 1980 г. Большинство этих государств перешли к авторитаризму в 1980-е годы, а 15 стран, сохранивших демократию, имели парламентское устройство [Stepan, Skach, 1993]. Х. Чейбуб и А. Пшеворский определили среднюю продолжительность существования президентских (24 года) и парламентских (74 года) режимов [Cheibub, Przeworski, 2004]. Однако результаты всех исследований зависели от выбранных хронологических рамок исследований (распады первой или второй волны демократизации) и от выбора казусов: так, среди 15 консолидированных демократий Степана и Скач были Науру, Багамы, Кирибати и другие микросоюдаства, а 14 из 15 успешных стран имели британское колониальное наследие – благоприятное условие для демократии.

Президентские системы появлялись в Латинской Америке и Африке, где изначально не было структурных предпосылок для демократии, а парламентские системы – в Европе и бывших британских колониях, обладающих лучшим потенциалом для развития демократии. У С. Мэйнуоринга и М. Шугарта в 24 из 31 развитых стран действовала парламентская система [Mainwaring, Shugart, 1997], а, как известно, «чем зажиточнее государство, тем больше у него шансов сохранить демократию» (гипотеза С.М. Липсета). Х. Чейбуб выяснил, что после военного режима в 3,5 раза чаще были установлены президентские (31 из 51) режимы, и выживаемость демократии после военной диктатуры существенно меньше, чем после гражданской, поэтому неустойчивость президентских режимов может быть связана не с президентством, а с армией [Cheibub, 2007]. Когда политологи начали учитывать социально-экономические факторы, выводы о превосходстве парламентаризма стали менее убедительными. Шугарт и Кэри, ограничив свою выборку только странами «третьего мира», пришли к выводу о том, что доля падений парламентских режимов выше, чем президентских [Shugart, Carey, 1992]. Х. Чейбуб и Ф. Лимонжи показали, что при низком уровне экономического развития тип режима не

влияет на выживаемость демократии: каждая восьмая демократия любого типа терпит крах, а при высоком уровне парламентские режимы демонстрируют лучшие результаты выживания [Cheibub, Limongi, 2002]. М. Гасиоровский и Т. Пауэр, проверяя гипотезу о консолидации демократии в «третьем мире» (1930–1995), сделали вывод о том, что выбор институтов вообще не связан с сохранением демократии: «институциональные переменные бесспорно влияют на политику, экономические показатели, гражданские беспорядки, но более слабо влияют на демократическое выживание, чем представлялось ранее» [Gasiorowski, Power, 1997, 144]. Тем самым они обозначили смену вектора дальнейших количественных исследований: от выживания демократии – к ее качеству.

Президентство: Критика и защита

Президентские и парламентские системы являются двумя «чистыми» типами систем в матрице М. Шугарта¹, выделяемыми по двум критериям: истоки исполнительной власти (электорат или парламент) и ответственность ее главы перед парламентом [Shugart, 2005, p. 326]. Парламентаризму свойственны сосуществование и взаимозависимость исполнительной и законодательной власти, когда ни одна ветвь власти не может распустить другую без самороспуска², правительство не может «выжить» без поддержки парламентского большинства. Президентство, наоборот, характеризуется независимостью и разделением властей. Поэтому логика парламентаризма – сотрудничество и поиск компромисса между ветвями власти, логика президентства – постоянные конфликты между ними. Критики президентства выделяют следующие «угрозы президентства» для демократии.

Во-первых, институту президентства присуща двойная легитимность, так как и президент, и парламент всенародно избираются.

¹ По этим критериям М. Шугарт выделяет всего четыре чистых типа систем: президентскую, парламентскую, ассамблейно-независимую и выборную премьерскую. Полупрезидентские системы являются гибридами чистых типов, поэтому не входят в данную матрицу.

² Вотум недоверия в парламентских системах сопровождается новыми выборами в парламент, а роспуск парламента приводит к формированию нового правительства.

С этой проблемой могут столкнуться и двухпалатные парламентские системы, однако в таком случае конфликт разрешается с помощью новых выборов, что невозможно в президентстве из-за независимого существования двух властей. Защитники президентства считают наличие двух независимых и легитимных акторов с четко определенными полномочиями главным достоинством президентства, так как такое разделение, согласно известному мнению Мэдисона, защищает от тирании со стороны меньшинства или большинства.

Во-вторых, президентская власть по природе своей мажоритарна и не обеспечивает должного представительства меньшинств, однако это следствие выбора непропорциональной электоральной системы. Использование плюральной системы «Победитель получает все» в парламентаризме приводит к тому, что большинство будет одновременно контролировать обе ветви власти. В президентских системах власть «победителя» распространяется только на исполнительную ветвь. Мэдисон называл «сосредоточение законодательной и исполнительной власти в одних руках, независимо от того, предоставлена ли она одному или многим, по наследству, назначению или избранию... словом, тирания» [Мэдисон, Федералист 47], и президентство должно было предотвратить тиранию.

В-третьих, фиксированные сроки полномочий президента и парламента, отсутствие вотума недоверия правительству и права роспуска парламента делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования, многие из которых разрешались неконституционным путем переворотов и автопереворотов. Единственным механизмом преодоления проблемы фиксированных сроков является импичмент, поэтому многие новые демократии пытались использовать его для устранения президентов, не нарушивших конституцию, но не обладающих поддержкой парламентского большинства, что также нарушало основные принципы демократии [Dressel, 2005]. Фиксированные сроки могут рассматриваться и как гарантия стабильности исполнительной власти, однако если конституция не предусматривает продления срока президентских полномочий, власти может лишиться компетентный президент. Эмпирические исследования показывают, что ограничение сроков пребывания президентов у власти обеспечивает смену лидеров и партий и увеличивает шансы

оппозиционных кандидатов, так как при участии в выборах действующего президента¹ у оппозиции практически нет шансов, при участии преемника шансы оппозиции и власти примерно равны [Maltz, 2007].

В-четвертых, президентские системы поощряют приход к власти не только популярных политиков, но и известных личностей, аутсайдеров и не имеющих политического опыта популистов. С одной стороны, персонификация выборов усиливает процессы деинституционализации и мешает развитию партийных систем и демократии. С другой стороны, персонификация исполнительной власти препятствует «скрытию промахов и размыванию ответственности» [Гамильтон, Федералист № 70]. Сравнительное исследование набравших более 10% голосов участников латиноамериканских президентских и европейских парламентских выборов демонстрирует превосходящее участие в президентских выборах «бывших президентов» (50% против 17% в парламентских), «новичков в политике» (20% против 7%) и даже «членов семьи экс-президента» (16%) [Cograles, 2008].

В-пятых, институт президентства предоставляет президентам возможности для превышения своих полномочий и изменения стиля президентской политики. С точки зрения Х. Линца, президент «...будет рассматривать свою политику как отражение народной воли, а политику своих оппонентов – как злые козни, направленные на защиту узких интересов» [Линц, 1994]. Президенты (часто популисты) чувствуют свою персональную ответственность перед народом, поэтому решают проблему двойной демократической легитимности в свою пользу и начинают злоупотреблять властью и превышать разрешенные полномочия. При отсутствии поддержки парламентского большинства и при наличии у президента законодательных полномочий такие президенты могут перейти на «правление указами», что уменьшает значение парламента и усиливает роль президента. Г. О’Доннелл назвал такую модель демократии делегативной: только президент считает себя делегатом всего народа, ответственным перед ним, находящимся над партиями и другими институтами, которые могут его ограничить. С точки

¹ Треть действующих президентов продлили сроки возможного пребывания у власти. Сроки продлены в 15% президентских систем и 13% полупрезидентских [Maltz, 2007].

зрения М. Шугарта и Дж. Кэри, указное право не всегда ведет к узурпации власти, но всегда является следствием других институциональных условий, таких как слабость партийной системы, отсутствие партийной дисциплины, конфликт с парламентом [Shugart, Carey, 1998]. Причем главными сторонниками слабых партий и сильной исполнительной власти будут те разработчики конституции, которые ранее участвовали в недемократическом политическом процессе и сформировали определенную личную непартийную репутацию [Shugart, 1998, p. 2].

М. Шугарт и Дж. Кэри проанализировали законодательные и незаконодательные полномочия президентов в президентских системах и сделали вывод о том, что демократии, в которых президенты обладают большими законодательными полномочиями, могут со значительной вероятностью потерпеть крах. Вероятность распада демократии со слабым президентом составляла 23,5% (четыре из 17), с сильным президентом – 40% (шесть из 15). Таким образом, не президентство как таковое, а сильное президентство ставит под угрозу выживание демократии, так как оно стимулирует конфликты между президентами и парламентами [Shugart, Carey, 1992]. Действительно, сильный в законодательном плане президент может перейти на правление указами, но для установления диктатуры указов необходимо, чтобы парламент использовал стратегию противостояния или полного соглашательства, при любых других стратегиях президенту придется сотрудничать с парламентом [Cox, 2002, p. 178].

Слабый в законодательном плане президент будет стремиться к сотрудничеству с парламентом. Однако здесь он может столкнуться со следующей проблемой: отсутствием партийной дисциплины и стимулов к межпартийному сотрудничеству. Президентство не способствует укреплению партийной дисциплины, так как парламентские партии не формируют правительство и не несут ответственность за его действия, а межпартийные коалиции формируются до президентских выборов и не являются обязывающими после выборов [Mainwaring, Shugart, 1997; Cheibub, 2002]. При отсутствии партийной дисциплины взаимодействие президента с парламентом переходит на индивидуальный уровень (что чревато появлением патрон-клиентских отношений и непредсказуемостью политического процесса). К уменьшению партийной дисциплины

также ведут «назначения на министерские посты непартийных технократов, что может быть оптимально для президента в краткосрочной перспективе, но может привести к отчуждению партий и парламента» [Neto, 2002, p. 19]. Такая кадровая политика препятствует возможному сотрудничеству между ветвями власти.

Итак, все «угрозы» президентства сводятся к отсутствию сотрудничества между президентом и парламентом и взаимоблокированию, для разрешения которого президент, возможно популист, обладающий всенародным мандатом и несущий персональную ответственность за политику правительства, часто не рассчитывающий на следующий срок по конституции, начинает использовать свои законодательные полномочия, вводит изменения по срокам и превращается в избранного диктатора. В большей степени угрозы президентства усиливаются при многопартийности; по мнению С. Мэйнуоринга, «проблема заключается не столько в президентстве или многопартийности, сколько в их сочетании» [Mainwaring, 1993, p. 212]. Д. Сэмюэлс подтверждает эту гипотезу: «Многопартийность не обязательно объясняет различия между президентством и парламентаризмом, но усугубляет отличия в плане выживания» [Samuels, Eaton, 2002].

Другим вариантом распада президентской демократии является путь переворотов. А. Степан и С. Скач подтвердили большую подверженность переворотам президентских демократий (40%), чем парламентских (12%) [Stepan, Skach, 1993, p. 12]. Согласно исследованию Кенни, демократии с разделенным правлением (правительство меньшинства) более подвержены распаду: из 13 случаев распада президентской демократии (четыре раза – по воле президентов и девять раз – в результате переворотов) только в двух случаях распада президент обладал поддержкой парламентского большинства [Kenney, 2000].

Однако правительства меньшинства в президентских демократиях встречаются достаточно часто: более чем в 50% случаев президенты «выживали» без поддержки парламентского большинства, и только в 33% возникало взаимоблокирование. Появлению президентов меньшинства и взаимоблокированию способствуют другие институциональные факторы (пропорциональная электоральная система, многопартийность, одновременные выборы президента и парламента и двухпалатность), поэтому их изменение

может скорректировать угрозы президентства [Cheibub, 2002, p. 294]. Так, одновременное проведение президентских и парламентских выборов существенно улучшает шансы получения президентом поддержки в парламенте. Однако в исследовании Х. Чейбуба и А. Пшеворского вероятность того, что президентская демократия распадется, не зависит от наличия коалиции или даже мажоритарной коалиции. По их мнению, президентская демократия распадется в любой ситуации, и это не связано с формированием коалиций [Cheibub, Przeworski, 2004].

Проблемы полупрезидентства

Более 50 новых политических режимов Африки, Азии и посткоммунистического пространства выбрали полупрезидентский институциональный дизайн, поэтому в конце 1990-х годов полупрезидентство¹ оказалось в центре исследований неоинституционалистов. Как отмечал еще Ж. Блондель, «ни парламентаризм, ни президентство не могут решить проблемы страны, стремящейся создать плюралистическую систему и обладающей слабой партийной системой. Система двойного лидерства, наоборот, может обеспечить сочетание автономии и гибкости и создать условия для стабильного либерального режима... Эта система не защищает от ошибок, но дает президенту независимое пространство и средства давления на парламент, например, роспуск и участие в правитель-

¹ Термин «полупрезидентство» был предложен в 1980 г. Морисом Дюверже и включал системы с тремя характеристиками: всенародные выборы президента, значительные полномочия президента и зависимость правительства от доверия парламентского большинства [Duverger, 1992]. Сам термин и его характеристики, данные Дюверже, не раз подвергались критике. Во-первых, некоторые авторы считают, что полупрезидентские системы – гибриды, а не чистые типы (М. Шугарт). Во-вторых, всеобщие выборы в некоторых полупрезидентских странах формальны и проводятся по договоренности между партиями. В-третьих, список Дюверже включал президентов, не имеющих «значительных» полномочий (Ирландия, Исландия, Австрия), поэтому некоторые политологи предлагали исключить президентские полномочия из определения (Р. Элджи, Д. Сартори, Ж. Блондель) и рассматривать в качестве основного признака полупрезидентства двойную ответственность исполнительной власти.

стве» [Blondel, 1992, p. 172]. Полупрезидентские¹ системы должны были преодолеть две возможные проблемы президентства: взаимоблокирование законодательной и исполнительной властью вследствие их разделения и переход к диктатуре президента. В президентских системах первая проблема часто решалась за счет создания сильного поста президента, что и вызывало вторую проблему.

Шарль де Голль в 1946 г. следующим образом объяснял логику этой системы: «Исполнительная власть не может происходить из парламента, являющегося властью законодательной, без угрозы смещения властей, при котором правительство станет собранием фракций... Как сохранить в долгосрочной перспективе единство, согласие и дисциплину, если источник исполнительной власти находится в другой власти, если правительству приходится балансировать, и если каждый член правительства, коллективно ответственного перед всем парламентом, занимает свой пост только как делегат от партии?.. Исполнительная власть должна исходить от главы государства, находящегося над партиями и избранного органом, в который входит парламент, но гораздо большим, чем парламент... Он является арбитром над политическими случайностями...» [de Gaulle, 1992]. Современные исследования показывают, что когда президенты находятся «над партиями», они оказываются в «стратегически невыгодном положении при мобилизации поддержки для своей политики» [Baylis, 1996, p. 311]. Непартийное президентство может негативно влиять на развитие партийной системы, необходимой для демократии: если президент стоит «над партиями», 50% членов полупрезидентского правительства не имеют партийной идентификации по сравнению с 9% при партийном президенте [Schleiter, Morgan-Jones, 2009, p. 679].

Полупрезидентство менее президентства подвержено кризисам между ветвями власти, так как главным условием является поддержка правительства большинством в парламенте. М. Шугарт и Дж. Кэри выделяют два типа полупрезидентства: премьер-

¹ Полупрезидентство не означает, что эти системы находятся между президентством и парламентаризмом. «Полу-» указывает не на дистанцию, а на совпадение некоторых признаков. В полупрезидентских системах так же, как и в президентских, действуют всенародно избираемые президенты и парламенты. Поэтому если бы всенародно избирался только парламент, они бы назывались «полупарламентскими».

президентский с исключительной ответственностью правительства перед парламентом и президентско-парламентский – с двойной ответственностью правительства перед президентом и парламентом [Shugart, Carey, 1992]. Обе системы характеризуются двойной структурой исполнительной власти, где премьер-министр зависим от парламента, и отличаются набором полномочий президента. Если в премьер-президентской системе и президент и законодательное собрание могут играть определенную роль в формировании кабинета путем выдвижения или утверждения кандидатов на министерские посты, но лишь одна из ветвей власти уполномочена смещать министров, то президентско-парламентские системы предоставляют президенту и парламенту равные полномочия по смещению членов правительства. Наличие у парламента полномочий по формированию правительства означает, что исполнительная власть лишена независимых источников политической поддержки. Правительство формируется президентом, и если парламент и президент не достигнут компромисса по составу правительства, парламент может выразить ему недоверие, после чего возможен роспуск парламента. В этой неустойчивости и заключается основная проблема президентско-парламентской системы.

Основная критика полупрезидентства сводится к следующему: во-первых, большие полномочия президентов, ведущие к президентизации и диктатуре; во-вторых, возможное сосуществование президента и премьера из разных партий, провоцирующее их взаимоблокирование; в-третьих, разделенное правительство меньшинства, нарушающее устойчивость системы.

Многие авторы следуют за Шугартом и Кэри и изучают полномочия президентов в полупрезидентских системах и приходят к выводу о том, что сильные президенты не подходят для демократии в полупрезидентских системах. Роупер, изучивший законодательные и незаконотательные полномочия президентов, считает, что «премьер-президентские режимы с большими президентскими полномочиями приводят к большей неустойчивости правительств, что может нарушить целостность политической системы» [Roper, 2002, p. 269]. Р. Элджи на примере 55 случаев выделяет три типа полупрезидентских систем (сильно президентизированные, системы с церемониальными президентами и сбалансированные) и делает вывод о том, что только системы с церемониальными пре-

зидентами не создают препятствий на пути демократической консолидации [Elgie, 2005]. Исследование индекса парламентских полномочий (ИПП) С. Фиша демонстрирует высокий уровень связи между ИПП и индексом демократии (ИД) Freedom House (-0,9), а также между ИПП и изменением ИД (-0,7), что позволяет ему сделать вывод о том, что слабый парламент тормозит демократизацию, а для демократии больше подходят парламентская или премьер-президентская система [Fish, 2006]. Однако, по мнению Дж. Элджи, даже если связь между сильными президентами и недостатком демократии может быть статистически значимой, возможно, полупрезидентство было принято в стране, где условия препятствовали развитию демократии [Elgie, McMenamin, 2009, p. 337].

Исследование Элджи и Макменамина показало, что сосуществование обычно возникает в премьер-президентских системах при одновременных выборах и при слабых президентах, т.е. в ситуациях, когда сосуществование не должно привести к распаду демократии [Elgie, McMenamin, 2011]. К противоположному мнению пришла Л. Киршке, на примере Суб-Сахарного региона показавшая, что сосуществование в новых демократиях обладает большим потенциалом для отката в авторитаризм: перевороты произошли в 10 из 12 (83%) полупрезидентских стран, по сравнению с 6 из 24 (25%) президентских [Kirschke, 2007].

Сосуществование президента и премьера из разных партий и разделенное правительство – не следствие работы институтов (институциональный подход), а результат президентских и парламентских выборов (поведенческий подход). Поэтому многие исследователи занимаются альтернативами расстановки сил в полупрезидентских системах. Если в президентских системах могут быть только два варианта (президент меньшинства или президент большинства), то в полупрезидентстве можно выделить три варианта: 1) консолидированное большинство (президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии); 2) разделенное большинство или сосуществование (только премьер-министр поддерживается большинством в парламенте); 3) разделенное меньшинство (ни президент, ни премьер-министр не обладают поддержкой большинства) [Skach, 2005, 2007].

Ситуация консолидированного большинства обладает наименьшим конфликтным потенциалом и соответственно риском

превышения президентом полномочий, поэтому является оптимальной с точки зрения демократии. Такая ситуация возникает, если президент и парламентское большинство находятся на одной стороне идейно-политического спектра или президент является *de facto* лидером своей партии [Shugart, 2005]. Ситуация сосуществования может привести к использованию президентом чрезвычайных или законодательных полномочий, особенно при слабом оппозиционном парламенте. Разделенное правительство меньшинства в полупрезидентстве сочетает черты разделенного правительства в президентстве и правительства меньшинства в парламентаризме, поэтому данная ситуация наиболее проблематична для демократии, так как ведет к смене коалиций, правительств и превышению президентом своих полномочий [Skach, 2007].

С. Скач продемонстрировала, что Веймарская республика с 1919 по 1933 г. находилась в ситуации консолидированного большинства 406 дней, разделенного большинства – 1174 дня, разделенного меньшинства – 2468 дней и конституционной диктатуры указов – 1037 дней [Skach, 2005, p. 306], что стало одним из условий распада демократии. К институциональным условиям распада относятся фрагментированная партийная система, низкая партийная дисциплина и надпартийный институт президентства, имеющего значительные полномочия в области законодательства. Поэтому, учитывая, что в новых демократиях обычно нет институционализированных партийных систем и президенты позиционируют себя над политическими партиями, полупрезидентские системы нельзя назвать хорошим выбором. Но в этом случае новая демократия распадается не из-за полупрезидентства, а вследствие других институциональных факторов.

Итак, эмпирические исследования функционирования президентства и полупрезидентства приводят к противоположным выводам и даже иногда противоречат «здравому теоретическому смыслу». Состояние дискуссии на данный момент можно описать фразой Х. Чейбуба и А. Пшеворского: «Линц был прав, что в президентстве что-то не в порядке, однако из сотни причин нам так и не удалось определить настоящую» [Cheibub, Przeworski, 2004, p. 580].

Литература

- Линц Х.* Опасности президентства // Пределы власти. – М., 1994. – № 2–3. – С. 3–24. – Режим доступа: <http://old.russ. u/antolog/predely/2-3/zip/dem14.zip> (Дата обращения: 5.5.2012.)
- Baylis T.* Presidents versus prime ministers: Shaping executive authority in Eastern Europe // World politics. – Washington, D.C., 1996. – Vol. 48, N 3. – P. 297–323.
- Blondel J.* Dual leadership in the contemporary world // Parliamentary versus presidential government / A. Lijphart (ed.). – Oxford: Oxford univ. press, 1992. – P. 162–172.
- Cheibub J.A.* Minority governments, deadlock situations, and the survival of presidential democracies // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 2002. – Vol. 35. – P. 284–312.
- Cheibub J.* Why are presidential democracies fragile? // Cheibub J. Presidentialism, parliamentarism, and democracy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – P. 136–164.
- Cheibub J., Limongi F.* Democratic institutions and regime survival: Parliamentary and presidential democracies reconsidered // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 2002. – N 5: – P. 151–79.
- Cheibub J., Przeworski A., Saiegh S.* Government coalitions and legislative effectiveness under presidentialism and parliamentarism // British journal of political science. – L., 2004. – Vol. 34, N 4. – P. 565–587.
- Corrales J.* Latin America's neocaudillismo: Ex-presidents and newcomers running for president... and winning // Latin American politics and society. – Coral Gables, FL, 2008. – Vol. 50, N 3. – P. 1–35.
- Cox G.W., Morgenstern S.* Latin America's reactive assemblies and proactive presidents // Comparative politics. – Chicago, Ill, 2001. – Vol. 33, N 2. – P. 171–189.
- De Gaulle C.* The Bayeux manifesto (address delivered 16 June 1946) // Parliamentary versus presidential government A. Lijphart (ed.). – Oxford: Oxford univ. press., 1992. – P. 139–141.
- Dressel B., Chang Boo-Seung, Fukuyama F.* Facing the perils of presidentialism? // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 16, N 2. – P. 102–116.
- Duverger M.* A new political system model: Semi-presidential government // Parliamentary versus presidential government / A. Lijphart (ed.). – Oxford: Oxford univ. press., 1992. – P. 143–149.
- Elgie R.* A fresh look at semipresidentialism. Variations on a theme // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 98–112.
- Elgie R., McMenamin I.* Explaining the onset of cohabitation under semi-presidentialism // Political studies. – Guildford, 2011. – Vol. 59. – P. 616–635.

- Elgie R., I. McMenamin.* Semi-presidentialism and democratic performance // Japanese journal of political science. – Cambridge, 2009. – Vol. 9, N 3. – P. 323–340.
- Fish S.* Stronger legislatures, stronger democracies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2006. – Vol. 17, N 1. – P. 5–20.
- Kenney C.D.* Reflections on horizontal accountability: Democratic legitimacy, majority parties and democratic stability in Latin America: Paper for the conference on institutions, accountability, and democratic governance in Latin America / Kellogg institute for international studies, Univ. of Notre Dame. – 8–9 May 2000. – Mode of access: <http://kellog.nd.edu/faculty/research/pdfs/Kenney.pdf> (Дата обращения: 5.6.2012.) – 36 p.
- Kirschke L.* Semipresidentialism and the perils of power-sharing in neopatrimonial states // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1372–1394.
- Linz J.J.* The perils of presidentialism // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1990. – Vol. 1, N 1. – P. 51–69.
- Mainwaring S.* Presidentialism, multiparty systems and democracy: The difficult equation // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 1993. – Vol. 26. – P. 198–228.
- Mainwaring S., Shugart M.S., Linz J.* Presidentialism, and democracy: A critical appraisal // Comparative politics. – Chicago, Ill, 1997. – Vol. 29, N 4. – P. 449–471.
- Maltz G.* The case for presidential term limits // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 1. – P. 128–142.
- Neto O.* Presidential policymaking strategies and cabinet formation in Latin America's presidential democracies, 1946–1995. – Mode of access: <http://datastrategia.com/ciafi/presidencialismo.pdf>. (Дата обращения: 5.6.2012.) – 26 p.
- Power T., Gasiorowski M.* Institutional design and democratic consolidation in the Third world // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 1997. – Vol. 30, N 2. – P. 123–55.
- Roper S.D.* Are all semipresidential regimes the same? A comparison of premier-presidential regimes // Comparative politics. – Chicago, Ill, 2002. – Vol. 34, N 3. – P. 253–72.
- Samuels D., Eaton K.* Presidentialism and, or, and versus parliamentarism: The state of the literature and an agenda for future research: Paper presented at the conference on consequences of political institutions in democracy. – Duke univ. – 2002. – 50 p.
- Schleiter P., Morgan-Jones E.* Party government in Europe? Parliamentary and semi-presidential democracies compared // European journal of political research. – Dordrecht, 2009. – Vol. 48. – P. 665–693.

- Shugart M.* The inverse relationship between party strength and executive strength: A theory of politicians' constitutional choices // *British journal of political science.* – L., 1998. – Vol. 28. – P. 1–29.
- Shugart M.* Semi-presidential systems: Dual executive and mixed authority patterns // *French politics.* – Basingstoke, 2005. – Vol. 3. – P. 323–351.
- Shugart M., Carey J.* Executive decree authority. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 333 p.
- Shugart M., Carey J.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 316 p.
- Skach C.* The «newest» separation of powers: Semipresidentialism // *International journal of constitutional law.* – Oxford, UK, 2007. – Vol. 5. – P. 93–121.
- Skach C.* Constitutional origins of dictatorship and democracy // *Constitutional political economy.* – Norwell, MA, 2005. – Vol. 16. – P. 347–368.
- Stepan A., Skach C.* Constitutional frameworks and democratic consolidation: Parliamentarism versus presidentialism // *World politics.* – Baltimore, 1993. – Vol. 46. – P. 1–22.